

С.П. Качесова*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ КРЕСТЬЯНКИ В РЕШЕНИИ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» ИЛИ ЭХО ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА?doi:10.31518/2618-9100-2022-6-4
УДК 94:338(470.7)"1880/1917"*Выходные данные для цитирования:**Качесова С.П. Трансформация роли крестьянки в решении семейных конфликтов в первой трети XX века: последствия реализации советского проекта «новой женщины» или эхо отмены крепостного права? // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 55–72. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-04.pdf>*

S.P. Kachesova*

TRANSFORMATION OF PEASANT WOMAN'S ROLE IN SOLVING FAMILY CONFLICTS IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY: CONSEQUENCE OF IMPLEMENTATION OF SOVIET PROJECT "NEW WOMAN" OR ECHO OF THE ABOLITION OF SERFDOM?

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-4

*How to cite:**Kachesova S.P. Transformation of Peasant Woman's Role in Solving Family Conflicts in the First Third of the 20th Century: Consequence of Implementation of Soviet Project "New Woman" or Echo of the Abolition of Serfdom? // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 55–72. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-04.pdf>]*

Abstract. The Purpose of the article is based on the study of the ego-documents of peasant women of the first third of the 20th century to identify the signs and causes of the transformation of the role of women in solving family conflicts. The methodological approaches of the history of everyday life and gender history were used in the Study. The novelty of the research is determined by its source base. Currently, not so many scientific works devoted to the study of peasant life are written on the basis of ego documents exclusively of female authorship. The study of the ego-documents of peasant men revealed their negative attitude to the changing behavior of women during the resolution of family conflicts, undermining the patriarchal foundations of the peasant family. In the ego-documents of peasant women, on the contrary, conflicts in the family with men are not mentioned. Peasant women describe family conflicts, the participants of which were women – stepmother and daughter, mother-in-law and daughter-in-law, aunt and niece. Such a change in the composition of participants in family conflicts was associated not only with the traditional patriarchal foundations of the peasant family, but also with the departure of men for earnings, which became a consequence of the reform of the abolition of serfdom. In the 1920s, the soviet government began to hold events aimed at constructing the image of the “new soviet woman”, which had a great impact on the life of a peasant family. However, the results of the implementation of this soviet project became most tangible only in the 1930s.

Keywords: peasant Woman, family Conflict, Serfdom, 20th century, New Soviet Woman, gender History.

The article has been received by the editor on 20.07.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Светлана Павловна Качесова**, кандидат исторических наук, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск, Россия, e-mail: volf.svetlana.2015@mail.ru
Svetlana Pavlovna Kachesova, Candidate of Historical Science, Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia, e-mail: volf.svetlana.2015@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – на основе изучения эго-документов крестьянок первой трети XX в. выделить признаки и причины трансформации роли женщины в решении семейных конфликтов. При проведении исследования использовались методологические подходы истории повседневности и гендерной истории. Новизна исследования определяется его источниковой базой. В настоящее время не так много научных трудов, посвященных изучению крестьянского быта, написаны на основе эго-документов исключительно женского авторства. Изучение эго-документов крестьян-мужчин выявило их отрицательное отношение к изменению поведения женщин в ходе решения семейных конфликтов, подрывающего патриархальные основы крестьянской семьи. В эго-документах крестьянок, напротив, конфликты в семье с мужчинами не упоминаются. Крестьянки описывают семейные конфликты, участницами которых являются исключительно женщины – мачеха и дочь, свекровь и сноха, тетка и племянница и т.д. Такое изменение состава участников внутрисемейных конфликтов было связано не только с традиционными патриархальными основами крестьянской семьи, но и с массовым отходничеством мужчин на заработки. В 1920-е гг. советская власть начинает проводить мероприятия, направленные на конструирование образа «новой советской женщины», что оказывает большое влияние на быт крестьянской семьи. Однако результаты воплощения этого советского проекта в жизнь становятся наиболее ощутимыми лишь в 1930-е гг.

Ключевые слова: крестьянка, семейный конфликт, крепостное право, XX век, новая советская женщина, гендерная история.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022 г.

Сфера семейных взаимоотношений всегда была наиболее чувствительна к масштабным государственным реформам. Начиная с середины XIX в. семья, независимо от принадлежности ее членов к определенному сословию, испытывала постоянные потрясения в результате государственных преобразований. Первым из них стала отмена крепостного права в Российской империи. Крестьяне, привыкшие до этого момента во всем (даже в решении семейных конфликтов!) полагаться на помещиков¹ и абсолютно не знавшие современного им законодательства, были вынуждены столкнуться еще и с сокрушительным ударом, направленным на разрушение патриархальных основ их семейных взаимоотношений. Начавшийся процесс модернизации промышленности и сельского хозяйства постепенно размывал жесткие правила, на основе которых были построены взаимоотношения между мужчиной и женщиной в крестьянской семье. Последовавшие затем революции, гражданская и мировая войны стали не только тяжелым испытанием для всего населения страны, но и возложили нелегкую ношу на плечи женщин, которые зачастую были вынуждены встать во главе семьи. Главенство мужчины в семье при этом не оспаривалось, но ввиду его отсутствия из-за необходимости ехать на заработки в город или нести военную службу все хозяйственные вопросы приходилось решать женщине.

С установлением советской власти, активно занимавшейся семейной политикой, процесс разрушения традиционных основ крестьянской семьи еще более усугубился. Семью как базовую структуру общества предполагалось подвергнуть коренным изменениям с целью ее активного участия во всех государственных мероприятиях по конструированию нового советского общества. Советский проект по созданию «нового человека» включал в себя, в том числе, и меры по созданию образа «новой советской женщины». По мнению одного из авторов концепции «новой женщины», российской революционерки А. Коллонтай, «новый тип женщины, внутренне-самостоятельной, независимой, свободной, отвечал той морали,

---

¹ См. об этом подробнее: Вольф С.П. Правовой нигилизм в решении семейных конфликтов дворянами и крестьянами в Российской империи первой трети XIX века // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 22–30.

какую вырабатывает в интересах своего класса рабочая среда; рабочему классу для выполнения своей социальной миссии нужна не слуга мужа, не безличная семьянинка, обладающая пассивными женскими добродетелями, а восставшая против всякого порабощения “бунтующая личность”, активный, сознательный и равноправный член коллектива, класса...»². Такая трактовка образа «новой советской женщины» акцентировала внимание «на новых чертах женственности, органически связанных с задачами советской власти: в противовес символистской индивидуальности феминный стереотип советской идеологии базируется на чувстве коллективизма»³.

При этом А. Коллонтай отмечала, что «перевоспитание психики женщины применительно к новым условиям ее экономического и социального существования дается не без глубокой драматической ломки; каждый шаг в этом направлении порождает коллизии, совершенно незнакомые героиням прошлого»⁴.

Таким образом, новому советскому обществу нужна была женщина, являющаяся полноценной участницей общественной и трудовой жизни. Строго говоря, «новая советская женщина» – это прежде всего работница, представительница пролетариата, в то время как «крестьянская семья и поведение крестьянки были более традиционными»⁵. Женские роли хозяйки и матери, традиционные в крестьянской семье, должны были быть замещены в системе новых социальных отношений на роли труженицы и общественницы. Для достижения данных целей женщине-крестьянке предлагались новые модели поведения не только в обществе, но и в семье. Активное участие крестьянки в жизни общества, ее ударный труд во благо государства, а не семьи требовали и ее активного участия в решении семейных конфликтов.

Активное вмешательство государства в жизнь крестьянской семьи посредством проведения мероприятий по созданию «новой советской женщины» очевидно. Но не так очевидна степень влияния этих мероприятий на изменение роли крестьянки в решении семейных конфликтов.

Проблема реализации советского проекта «новой женщины» именно в крестьянской семье является одной из наиболее исследуемых тем в последние годы. Работы ученых-историков, посвященные этой проблеме, представляют осмысление эффективности проведения мероприятий советской власти в воплощении конструкта «новой советской женщины». Многие историки не только отмечают «стремление женщин стать полноправными участницами социально-политической жизни советского государства»⁶, но и уделяют особое внимание изучению причин изменений государственной политики в отношении женщин после революционных событий 1917 г.⁷ Большинство исследователей единогласны в том, что, по сути, женщина в результате внедрения политики «государственного феминизма» фактически получила «обязанность нести двойную нагрузку и отказываться от собственных потребностей в пользу общественных»⁸.

М.В. Васеха – одна из немногих ученых-историков, использующих для проведения своих исследований эго-документы крестьянок в качестве источников наряду с архивными статистическими данными и материалами сибирской прессы 1920-х гг. Она проанализиро-

² Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. С. 33.

³ Ерохина Т.И. Трансформация феминных стереотипов в советской культуре начала XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 177.

⁴ Коллонтай А. Новая мораль... С. 35.

⁵ Амбарцумян К.Р., Булыгина Т.А. Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 18.

⁶ Давыдов Д.В., Козлова О.В. «Мысль, что мы равноправны, нас еще больше воодушевляла»: эмансипация советской женщины в 1920-е гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. 2021. № 4. С. 68.

⁷ Жулаева А.С., Высочина Э.А. Предпосылки и суть изменений государственной политики в отношении социального статуса женщин в России на пути от монархии к Советам // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 118–122.

⁸ Бобровская Е.В. «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2020. № 4. С. 138; Жулаева А.С., Высочина Э.А. Предпосылки и суть изменений государственной политики... С. 121.

вала механизмы внедрения новых паттернов женского поведения – «крестьянки грамотной»⁹ и матери-крестьянки нового типа¹⁰ в первое десятилетие советской власти. Результатом анализа стал тезис автора о том, что «провал политики ликбеза и слабое вовлечение девочек в школьное образование в Западной Сибири в 1920-х гг. стали ключевыми причинами того, что образ русской крестьянки в Сибири в этот период еще во многом соответствовал представлениям о роли, функциях и месте женщины в “традиционном” обществе»¹¹. М.В. Васеха также отмечает, что мероприятия, проводимые в рамках медико-санитарного просвещения женщин, встречали «непонимание и неприятие со стороны сибирских матерей-крестьянок»¹². Крестьянки продолжали ухаживать за новорожденными с применением традиционных методов. Таким образом, результаты исследований М.В. Васехи позволяют сделать вывод о том, что в 1920-х гг. роль крестьянки в семье, несмотря на активное вмешательство государства в эту сферу жизни общества, не изменилась коренным образом.

О.М. Семерикова¹³, В.В. Мирошкин¹⁴, О.С. Поршнева¹⁵, Р. Савосткина¹⁶ и авторский коллектив в составе В.В. Кулачкова, В.Б. Безгина, В.П. Николашина и А.Н. Корнетова¹⁷ также подчеркивают сохранение в обществе традиционного представления о месте и роли женщины-крестьянки в семье и социальной жизни в первое десятилетие советской власти. Конфликты, происходившие внутри крестьянских семей, эти авторы детально не рассматривают.

С.С. Крюкова подтверждает повышение конфликтности в крестьянских семьях ввиду поддержки советской властью прав женщины в решении вопросов, связанных с собственностью на землю. Нараставшие новые противоречия между мужчинами и женщинами при решении земельных вопросов в деревне «усугубляли социальную разобщенность, нарушали прежнюю однородность общины и ее обычаи»¹⁸. «Семейные разделы 1920-х годов свидетельствуют скорее о тяге к эмансипации – поколенческой, гендерной и, наконец, индивидуальной, сдерживавшейся традициями общины, неохотно уступавшей свои позиции», – отмечает С.С. Крюкова¹⁹. В исследуемых нами эго-документах крестьянок описания подобных случаев гендерной эмансипации в процессе семейных разделов отсутствуют, что позволяет оспорить ярко выраженное существование этого явления в крестьянской среде.

Современные зарубежные исследователи российской истории первой трети XX в. обращают внимание на изменение роли женщины-крестьянки в решении семейных конфликтов только с точки зрения годности или негодности этих выводов для оценки большевистского проекта «создания новой женщины» и изменений в нормах фемининности. В 2018 г. был издан сборник, обобщивший труды по изучению женской и гендерной истории России в XX в.²⁰

⁹ Васеха М.В. «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 5. С. 150–160.

¹⁰ Васеха М.В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107–119.

¹¹ Васеха М.В. «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири... С. 150.

¹² Васеха М.В. Политика охраны материнства и младенчества... С. 115.

¹³ Семерикова О.М. Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 412–430.

¹⁴ Мирошкин В.В. «Женский вопрос» в контексте процессов трансформации крестьянского менталитета в 1917–1920-е гг. (на примере мордвы) // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12, № 1. С. 108–112.

¹⁵ Поршнева О.С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст. Новосибирск, 2018. С. 383–397.

¹⁶ Савосткина Р. Социальная роль женщины в советском обществе в дискурсе журналов «Работница» и «Крестьянка» в середине 1920-х годов // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4 (14). С. 130–140.

¹⁷ Кулачков В.В., Безгин В.Б., Николашин В.П., Корнетов А.Н. Изменения в положении сельских женщин в эпоху новой экономической политики // Вопросы истории. 2021. № 10. С. 201–211.

¹⁸ Крюкова С.С. Крестьянская община 1920-х годов: от имперского к советскому обычному праву // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 36.

¹⁹ Там же. С. 43.

²⁰ The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London, 2018. 560 p.

В работе над книгой приняли участие историки, политологи, социологи, географы, экономисты, специалисты по культурологическим исследованиям, литературоведы и лингвисты из Австралии, Великобритании, Венгрии, Канады, Латвии, Литвы, США, Швеции, Швейцарии, Эстонии и Южной Кореи. Сборник включает в себя 30 самостоятельных статей. По мнению Н.Л. Пушкаревой, выводы зарубежных авторов, чьи статьи посвящены изучению женской и гендерной истории межвоенного периода 1918–1941 гг.²¹, «на удивление схожи с выводами наших авторов: отношение власти к работающим женщинам было “противоречив”», “амбивалентно”, подвержено традиционным предрассудкам»²².

Для нас особенно интересны выводы статьи британского историка Дж. Уотерлоу, который в качестве объекта исследования выбрал советские эксперименты в сфере семейной политики и конструирования образа «новой женщины». Предметом исследования являются политические анекдоты 1930-х гг. В своих выводах Уотерлоу отмечает «полное отсутствие “новой советской женщины” в анекдотах, где женщина предстает либо как сексуальный объект, либо как помощница, либо как “бабушка” (с присущими ей фольклорными аллюзиями) – веское подтверждение надуманности индоктринируемого образа и курса». Британский историк, таким образом, сомневается в эффективности реализации советского проекта новой женщины, представленной в историографии с «точки зрения мужчин»²³.

Совместное исследование американского слависта Л. Олсон и российского филолога С.Б. Адоньевой выполнено на основе материалов фольклорных экспедиций, где информантами выступали исключительно деревенские женщины нескольких советских поколений²⁴, среди которых есть и интересующие нас современники первой трети XX в. Авторы не признают деревенских женщин «жертвами патриархального уклада», обращая внимание на то, «как они смотрят сами на себя, как их рассказы и песни говорят об их ценностях, желаниях и мотивах»²⁵. В описании результатов исследования авторы также отрицают определение гендерных отношений русского крестьянства как формы деспотизма. Л. Олсон и С.Б. Адоньева подчеркивают зависимость выполнения социальных ролей крестьянами и крестьянками от гендера, но отвергают существование гендерного неравенства в русской деревне XX в. «Женщины действительно рассказывали истории о том, как они оказывались жертвами мужчин, но в историях подчеркивалось то, как они с этим справлялись. Конкретный мужчина может совершать плохие поступки, даже ужасные, но жертвы-женщины часто считают себя защищенными выбранными ими духовными практиками, а также сетью социальных отношений, в которые они включены», – отмечают Л. Олсон и С.Б. Адоньева²⁶. Влияние советского проекта «новой женщины» на конструирование отношений в крестьянской семье исследователями не упоминается, однако необходимость государства в женщинах как источнике прироста населения подчеркивается неоднократно.

В работах историков бывших советских республик, посвященных исследованию реализации советского проекта «новой женщины», мы можем отметить две полярные тенденции. С одной стороны, их авторами отмечается несостоятельность проводившейся советской властью гендерной политики²⁷, с другой – подчеркивается, что советские чиновники действи-

²¹ Klots A. The kitchen maid as revolutionary symbol: Paid domestic labour and the emancipation of Soviet women, 1917–1941 // The Palgrave handbook... P. 83–100; Ilic M. “Equal pay for equal work”: Women’s wages in Soviet Russia // The Palgrave handbook... P. 101–116; Gradszkova Yu. Emancipation at the crossroads: Between the “Woman Question” and the “National Question” // The Palgrave handbook... P. 117–132.

²² Пушкарева Н.Л., Большакова О.В. Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 323.

²³ Waterlow J. Babushka, Harlot, Helper, Joker: Women and Gender in 1930s Political Humour // The Palgrave handbook... P. 134.

²⁴ Olson L.J., Adonyeva S. The worlds of Russian village women: Tradition, transgression, compromise. USA, 2013. 368 p.; Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. М., 2021. 368 с.

²⁵ Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс... С. 3.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh. Muslim women under soviet rule in central Asia (Turkistan): soviet gender practice // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 126–136.

тельно «стремились к освобождению среднеазиатских женщин как в общественной, так и в частной сфере жизни»²⁸. Так, С.С. Джеенбекова считает, что «после Октябрьской революции произошли коренные модернизационные процессы в обществе, были приняты новые законы советской власти, проводились мероприятия с учетом особенностей вековых традиций Востока, направленные на раскрепощение женщин»²⁹. Более того, по мнению С.С. Джеенбековой, проводившиеся в последующем советской властью индустриализация, коллективизация, культурная революция коренным образом изменили повседневную жизнь кыргызских женщин, выводя их из «узких рамок семьи»³⁰.

Таким образом, большая часть исследований, посвященных проблемам реализации проекта «новой советской женщины», демонстрирует его незавершенность. Несмотря на частичную реализацию данного проекта, роль женщины в крестьянской семье подверглась бесповоротным изменениям. Об этом нам свидетельствуют эго-документы мужчин-крестьян³¹, где крестьянки во время решения семейных конфликтов начинают вести себя совершенно иначе, нежели им это положено в соответствии с исторически устоявшимися правилами жизни патриархальной семьи.

Данная статья является логическим продолжением более раннего исследования, посвященного выявлению способов решения семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX в. на основе анализа эго-документов мужчин-крестьян. Насколько проникли в крестьянскую среду внедряемые советской властью роли «труженицы» и «общественницы», а также повлияло ли именно это нововведение, а не реформы, проведенные задолго до образования нового советского государства, на трансформацию роли женщины в решении семейных конфликтов, мы попытаемся выяснить, изучив эго-документы крестьянок.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом первой трети XX в. (т.е. с 1900 по 1930 г.). Весь этот период является для страны переходным. Насыщенное революционными событиями начало XX в. завершается принятием в 1927 г. Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР. Дореволюционное законодательство отрицало существование межличностных конфликтов в семьях, что привело к отсутствию нормативного определения понятия «семейный конфликт»³². Крестьянские разделы свидетельствовали о фактах обращения крестьян за решением семейных конфликтов материального характера в органы власти. Однако решение внутрисемейных конфликтов крестьянами происходило без вмешательства властных органов, на основе патриархальных основ крестьянского быта. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР ввел кардинально отличные от дореволюционного периода меры трансформации института семьи. Таким образом, для первой трети XX в. характерно переходное состояние крестьянской семьи, когда традиционные основы ее жизни пока не разрушены, а новые меры ее реформирования только вступают в законную силу. В этой связи исследование эго-документов крестьянок приобретает новый смысл. Переходное состояние государства отражается и в жизни крестьянской семьи, о чем нам повествуют не только эго-документы мужчин-крестьян, но и женщин-крестьянок.

Будни крестьянской семьи первой трети XX в. подробно описаны в разных исследованиях. Основными источниками данных исследований были документы фондов центральных и региональных архивов, статические и этнографические материалы, законодательные и делопроизводственные документы, художественная литература, эго-документы крестьян. В подавляющем большинстве случаев авторами эго-документов, послуживших источниками

²⁸ Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh. Muslim women... С. 127.

²⁹ Джеенбекова С.С. Трансформация женской повседневности в Кыргызстане в 20–30-е гг. XX века // Вестник КРСУ. 2021. Т. 21, № 2. С. 9.

³⁰ Там же.

³¹ См. более подробно об этом: Качесова С.П. «Старое отжило и не имеет силы, а новое еще не сложилось»: способы решения семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (77). С. 122–136.

³² См. подробнее о понятии «семейный конфликт» в первой трети XX в.: Качесова С.П. «Старое отжило и не имеет силы, а новое еще не сложилось»... С. 126–127.

исследования, были крестьяне-мужчины³³. Указание на исследование воспоминаний, мемуаров, записок, писем о семейной жизни, написанных крестьянками, встречается крайне редко. На наш взгляд, описание семейной жизни крестьян с мужской и женской точек зрения – это два диаметрально противоположных источника. И речь даже не о противостоянии полов в рамках крестьянской семьи. Речь здесь идет о дополнении уже имеющейся картины семейной жизни крестьян новыми красками и цветовыми акцентами. Для этого нам необходимо определить, пишут ли крестьянки о влиянии изменений в государстве и обществе на жизнь их семей и процесс решения семейных конфликтов.

В качестве основных методологических подходов для исследования трансформации роли крестьянки в решении семейных конфликтов в первой трети XX в. мы применяем принципы гендерной истории и истории повседневности. Семейные конфликты – это часть крестьянского быта. История повседневности позволяет нам рассмотреть влияние исторических событий государственного масштаба на жизнь простого крестьянина. Е.Н. Бадмаева отмечает, что «история повседневности советского времени большинством современных историков исследуется с точки зрения традиций и новаторства в быте крестьянства, борьбы старого и нового в советской деревне»³⁴. Взаимоотношения в крестьянской семье в связи с внедряемыми советской властью идеями приобретали конфликтный характер именно по причине противоборства традиций и новаций. Эту тенденцию мы выделили в процессе исследования эго-документов мужчин-крестьян. Изменение поведения женщины в семье из-за вовлечения ее в активную социальную жизнь вызывало негодование у подавляющего большинства мужчин. Результатом этого негодования чаще всего было применение рукоприкладства по отношению к жене. В результате мужчина, как правило, раскаивался в сделанном, но негодование при этом не становилось меньше, повышая градус конфликтности в крестьянской семье. Женская версия описания поведения членов крестьянской семьи в процессе решения конфликтных ситуаций совершенно другая. Историк В.Б. Безгин, посвятивший огромное количество работ исследованию крестьянской повседневности, отмечает, что «сельская баба, будучи носительницей консервативного начала деревенского быта, оказалась более восприимчивой и быстрее адаптировалась, чем мужик, к новым условиям жизни, к иной сути гендерных ролей в сельской обыденности»³⁵.

История повседневности позволяет определить степень влияния исторических событий общегосударственного уровня на семейную жизнь простых крестьянок. Особенно актуальным в данной связи становится вопрос о том, насколько на повседневную жизнь крестьянской женщины первой трети XX в. повлиял эксперимент создания «новой женщины».

Основоположник гендерной истории в России Н.Л. Пушкарева описывает два дискурса, характерных для российской женской истории³⁶. Первый дискурс представляет описание традиционных гендерных ролей, отводя женщине дополнительную роль к роли мужчины – «все же изучать социальное прошлое женщин следует в разных ракурсах, с учетом и патриархального, и феминистского дискурсов»³⁷. Второй ставит под сомнение взаимодополняемость гендерных ролей мужчины и женщины в прошлом и настоящем и приводит к феминистической рефлексии как новому вызову времени. В изучении эго-документов крестьянок первой трети XX в. мы будем ориентироваться прежде всего на первый дискурс, так как нам важно выделить признаки трансформации роли женщины в решении семейных конфликтов именно с точки зрения женщины, являвшейся их активной и (или) пассивной участницей.

³³ См., напр.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 4. Ч. 1. 1895–1917. М., 1983. С. 135–137.

³⁴ Бадмаева Е.Н. Повседневность российского крестьянства в 1920–1930-х гг.: историография вопроса // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2018. № 1. С. 81.

³⁵ Безгин В.Б. «О бедной крестьянке замолвите слово»: русская баба в современной историографии // *Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности*. М., 2019. С. 35.

³⁶ Pushkareva N. Womens and gender studies of the Russian past: Two contemporary trends // *Womens History Review*. 2018. Vol. 27, No. 1. P. 71–87.

³⁷ Пушкарева Н.Л. Женские и гендерные исследования историков 1990–2015 гг. // *Гендерный маршрут* [Электронный ресурс]. URL: http://gender-route.org/articles/other_projects/zhenskie_i_gendernye_issledovaniya_istorikov_v_rossii_1990_2015/ (дата обращения: 20.06.2022).

В качестве источников для проведения исследования мы выбрали эго-документы крестьянок, повествующие об их семейной жизни с 1900 по 1930 г. В начале XX в. письменные источники, авторами которых являлись крестьяне, были редкостью. В большинстве случаев авторами таких письменных источников, дающих хоть какое-то представление о бытовой жизни крестьян, были мужчины. Поэтому выводы нашего исследования будут основываться на эго-документах крестьянок, записанных с их слов родственниками или историками – участниками специальных экспедиций.

Первый источник – автобиография Евдокии Константиновны Макаровой «Евдокия – великомученица»³⁸. Оригинал воспоминаний крестьянки Евдокии Константиновны Макаровой (1907–1984), уроженки Костромской губернии, утрачен. Дошедший до нас текст – результат двойной переработки исходной рукописи, сделанной двумя людьми: сначала содержимое рукописных тетрадей было переписано на машинке, затем, много лет спустя, набрано в электронном виде. В процессе обработки изначальный текст очевидным образом претерпел некоторые изменения, можно надеяться, не слишком существенные. Вмешательство публикатора свелось к синтаксической правке, быть может, слишком «осовременивающей» письмо Евдокии Константиновны, а также внесению кратких комментариев и толкованию фраз, неоднозначных по смыслу. Однако даже в таком «осовремененном» виде автобиография Евдокии Константиновны позволяет понять, насколько изменилась роль женщины в решении семейных конфликтов.

Следующим эго-документом, использованным для достижения поставленной цели исследования, стали воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой (в девичестве Морозовой), написанные ею собственноручно по просьбе внучки Елены Царевой и опубликованные на историко-краеведческом сайте Наро-Фоминского района «Боровский тракт»³⁹. Воспоминания Натальи Филипповны представляют подробное описание жизни крестьянской семьи с 1900 по 1941 г.

Мы также используем воспоминания крестьян-очевидцев коллективизации и раскулачивания преимущественно в Кемеровской области и Алтайском крае, представленные в сборнике «Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют)»⁴⁰, объединившем в себе материалы спецэкспедиции фонда «Исторические исследования», проводимой под руководством Л.Н. Лопатина. Сборник объединяет материалы интервьюирования 132 крестьянок. Хронологические рамки процессов коллективизации и раскулачивания выходят за рамки нашего исследования, однако данные воспоминания содержат описание семейной жизни крестьянок не только в годы коллективизации, но и более ранних лет, что позволяет частично использовать данные материалы для решения задач нашего исследования.

В первой трети XX в. происходит коренная перестройка семейных взаимоотношений крестьян. Мужчины-крестьяне в своих воспоминаниях отрицают ведущую роль женщины в решении семейных конфликтов, хотя и отмечают, что ее поведение и степень участия в них резко изменились. Для крестьянского мужика любое противоречие, возникающее в семье, – это прежде всего противоречие с его мнением по поводу того, каким образом нужно решить тот или иной семейный конфликт. Именно он избирает способ решения семейного конфликта и разрешает разногласия между другими членами крестьянской семьи. Для него не существует других вариантов, кроме традиционно патриархального решения данного вопроса. В эго-документах крестьянок мы видим, что такое главенство мужчины в решении семейных конфликтов ими не оспаривается. «Старшим в доме всегда был только мужчина. Даже если он был еще мальчишкой (если не было из мужиков никого старше). С ним советовались, у него просили разрешения что-то сделать», – отмечала в своих воспоминаниях крестьянка Елена Малофеевна Рейник⁴¹.

³⁸ Макарова Е.К. Евдокия – великомученица // На сердце пали все печали. Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания. М., 2019. С. 9–169.

³⁹ Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой // Боровский тракт [Электронный ресурс]. URL: http://borovsk-tract.ru/memuar/Vospominaniya_krest_yanki_Verejskogo_uezda.html (дата обращения: 20.06.2022).

⁴⁰ Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. М., 2006. 445 с.

⁴¹ Там же. С. 18. Документ № 1.

Об отсутствии конфликтов между мужем и женой в крестьянской семье рассказывали многие крестьянки. «Мы, дети, никогда не слышали, чтобы они промеж собой скандалили», – вспоминала Александра Константиновна Федорина о своих родителях⁴². В первых строках своих воспоминаний это отмечает и Варвара Петровна Скопенко: «С мужем жили дружно. За всю жизнь мы с ним поругались только один раз»⁴³. Среди мужчин-крестьян также часто встречаются такие воспоминания. Николай Данилович Масякин рассказывал: «Семья наша была дружная. Никто никого не обзывал. Со старшими никогда не огрызались. Родителей чтили и побаивались. Отец никогда не ругался и не бил нас»⁴⁴.

Между тем не только внешнеполитическая обстановка, но и события, происходящие внутри страны, привели к тому, что поле конфликта переместилось в другую плоскость. Отмена крепостного права, нарастающие темпы модернизации промышленности, а также неутраченные революционные события, смена власти, постоянные войны стали причиной редкого участия мужской половины крестьянского населения в решении семейных конфликтов. Крестьянка Мария Ивановна Мещерякова вспоминала: «Хозяйство вела мать, отец служил, высылал деньги»⁴⁵. Примечательно, что такая ситуация была характерна не только для революции и гражданской войны, но и начала XX в. Эта же крестьянка поясняет: «Отец служил офицером сначала в царской армии, потом, кажется, в Красной армии»⁴⁶. О вынужденной обязанности женщины выполнять всю работу по хозяйству рассказывает в своих воспоминаниях и Евдокия Константиновна Макарова: «Папа уезжал в Москву и увозил сына, моего братку (Ивана), с собой. Матери тоже было трудно жить в деревне... Матери надо печь истопить, и в поле ехать пахать, и сеять, и боронить, все одна»⁴⁷.

Участниками, а вернее участницами семейных конфликтов становятся женщины, решавшие теперь все хозяйственные вопросы самостоятельно. Евдокия Константиновна Макарова вспоминала, что под плуг ее поставили еще в 14 лет, потому что «пахать и боронить некому было»⁴⁸ – один брат ушел на заработки в «Питер»⁴⁹, второй на войну. Но и после замужества этот порядок хозяйствования не изменился – она «поехала пахать, а муж на завод работать»⁵⁰.

Повышенная мера ответственности, переложенная на плечи крестьянок, приводила к тому, что некоторые из них, вынужденно становясь во главе семьи, перенимали и мужские методы решения семейных конфликтов. Евдокия Макарова писала о своей тетушке Коке, ставшей к тому времени хозяйкой в доме: «Тетушка с палкой ходила, бывало и огреет»⁵¹. Вместе с тем в эго-документах других крестьянок мы описаний такого поведения не обнаружили.

В воспоминаниях крестьянок часто описываются бытовые конфликты между женщинами – мачехой и дочерьми, свекровью и снохой, теткой и племянницей. Причинами этих бытовых конфликтов становились разногласия между крестьянками по наиболее насущным хозяйственным вопросам. Вообще значение хозяйственной проблематики в эго-документах крестьян трудно переоценить. И.С. Слепцова обращает наше внимание на то, что такой стиль повествования крестьян – авторов эго-документов «отражает устойчивость как хозяйственного уклада, так и мировоззренческих и аксиологических установок крестьянина, несмотря на резкие трансформации в социально-экономической реальности первой трети XX в.»⁵².

⁴² Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание... С. 178. Документ № 47.

⁴³ Там же. С. 21. Документ № 2.

⁴⁴ Там же. С. 284. Документ № 78.

⁴⁵ Там же. С. 434. Документ № 120.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Макарова Е.К. Евдокия – великомученица... С. 17.

⁴⁸ Там же. С. 35.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 56.

⁵¹ Там же. С. 51.

⁵² Слепцова И.С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский север. Вып. 1. Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. СПб., 2017. С. 87.

Некоторые, как крестьянка Евдокия Макарова, описывают конфликты между женщинами из-за одежды, которую было не только крайне сложно достать, но и сшить, так как ткань была недешевой. Описывая свою жизнь в 1921–1924 гг., Евдокия Макарова вспоминала: «Помню, мне купили ситцу два метра на кофту, отдали пуд овса, и железную гребенку за десять фунтов хлеба. Деньги были ни к чему, все на хлеб»⁵³. Отсутствие нарядов стало причиной конфликта шестнадцатилетней Евдокии с тетушкой: «Я на тетушку обижена. У нее наряда было много и хорошего. Ничего не давала, только бабушкины сарафаны старушечьи... А мне уже шестнадцать лет, хотелось одеться»⁵⁴. Значительная часть крестьянок оценивала жизнь до коллективизации положительно и о голоде и нехватке одежды не вспоминала. Одна из них, Аксиныя Фоминична Бырбина (Салютинина), отвечала на вопрос интервьюера: «Но лично мы одевались и жили лучше до коллективизации»⁵⁵.

Из-за постоянной смены власти финансовая обстановка в деревнях была нестабильной, что делало повседневный быт крестьянской семьи очень тяжелым. Крестьянок в это время намного больше занимали проблемы выживания. О семейных конфликтах писали крайне редко. В особенности это относилось к крестьянкам, чьи описания повседневного быта мы находим в сборнике воспоминаний очевидцев коллективизации и раскулачивания. Одним из таких примеров стали воспоминания Анны Григорьевны Черепановой (Кудриной): «А из детства помнится наш дом. Помню родителей, которых по целому дню не видишь, так как все время на поле работали. Старшие дети, как могли, помогали им. Да что там помогали! Работали почти наравне с ними. Старшая сестра Фаина нам всем за мать была. В доме постирать, приготовить, убрать, за нами всеми уследить, в огороде работать. Тогда рано выросли. Нечего сказать, дружно мы жили. Даже не помню, чтобы ссорились»⁵⁶. Часто встречаются ужасающие описания потери близких, ставшие для многих крестьян обыденными. Так, Евдокия Никифоровна Ярокалова рассказывала: «Свекровь и дети умерли в дороге. Их вынесли из вагона на какой-то остановке. Где и как они похоронены, мы не знали. Да и похоронены ли»⁵⁷. В обыденном сознании крестьян происходит преломление прежних мировоззренческих и идеологических установок. Коллективизация и раскулачивание – два жесточайших по своим последствиям исторических процесса – раскрасили прежнюю жизнь крестьян самыми яркими красками. Нужно было выжить и не попасть в жерло советской политики коллективизации. Поэтому разногласия в семье по бытовым вопросам отходят на второй план и ни в одном (!) из интервью не упоминаются.

В эго-документах крестьянок часто встречаются описания семейных конфликтов по поводу их участия (или неучастия) в сельскохозяйственных работах. Ценность любого члена семьи, прежде всего как рабочей силы, отмечала в своих воспоминаниях Наталья Филипповна Солдатенкова. Она сожалела о том, что вышла замуж в самое рабочее время, на Петров день: «Я очень жалею, что я в такое время бросила родителей. Остались вдвоем отец и мать. Брату было три года, сестре шесть лет и восемь лет брату. А я ни на что не посмотрела и ушла от них в самую рабочую пору, и они мне не сказали ни слова. Вот так мы глупы смолоду»⁵⁸. Вероятно, из-за предполагаемой потери рабочей силы в домашнем хозяйстве настоящим камнем преткновения стал также вопрос о замужестве крестьянки Евдокии Макаровой. Бабушка отказывала всем женихам «до году». «Во-первых, молода, да и работать некому. Во-вторых, свадьбу делать не на что», – так объясняла причины этого семейного конфликта Евдокия Константиновна. Обязанность работать была постоянной причиной ее конфликтов и с тетушкой Кокой – «я у нее была работница, а не племянница»⁵⁹.

Особенное место в воспоминаниях крестьянок занимают конфликты между свекровью и снохами, что было частым явлением в крестьянской среде. В эго-документах мужчин-

⁵³ Макарова Е.К. Евдокия – великомученица... С. 41.

⁵⁴ Там же. С. 42.

⁵⁵ Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание... С. 167. Документ № 44.

⁵⁶ Там же. С. 359. Документ № 100.

⁵⁷ Там же. С. 31. Документ № 4.

⁵⁸ Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой...

⁵⁹ Макарова Е.К. Евдокия – великомученица... С. 44.

крестьян упоминаний о таких конфликтах мы не встречаем. Подавляющее большинство конфликтов между свекровью и снохами описывается крестьянками. И если Евдокии Макаровой «повезло» в этом смысле – они с мужем были круглыми сиротами и роль свекрови для нее выполняли золовки мужа, с которыми у нее сложились очень хорошие отношения, то Наталья Солдатенкова вспоминала, что «бабушкины дочери вышли замуж, не ужились в чужих семьях и вернулись домой с мужьями и детьми, я насчитала – было двадцать два человека...»⁶⁰. Да и сама Наталья Филипповна свое замужество связывала не с радостью от перехода на новый жизненный этап, а с приходом в чужую семью, где она всех плохо знала. Одно только обстоятельство облегчало положение дел – то, что муж ее был рядом, «но со мной муж и мне легко»⁶¹.

Целый фрагмент воспоминаний Натальи Филипповны Солдатенковой посвящен описанию разногласий между ее свекровью Марией Никитичной и женой ее старшего сына. «Свекровь, мать моего мужа, была женщина необразованная, с большими странностями»⁶², – отмечала Н.Ф. Солдатенкова. По-видимому, высокая степень конфликтности свекрови была связана с тем, что ее муж к тому времени уже умер, что фактически сделало ее полноправной хозяйкой в доме. Разногласия между снохой и свекровью были настолько сильны, что скандалы привели семью к разделу. Несмотря на отсутствие симпатии к свекрови, Наталья Филипповна все же жалеет ее: «А всех труднее было свекрови. Ей досталась, или она сама пожелала, другая изба, в которой была маленькая печка. Выхода на улицу не было, ей надо было делать ход на улицу, ставить русскую печь. А она одна с двумя несовершеннолетними сыновьями»⁶³. Примечательно, что нормативного решения вопроса о разделе имущества крестьяне не ищут. Но и гендерной эмансипации, о которой пишет С.С. Крюкова, мы в данном описании способа решения семейного конфликта не встречаем.

С разделами в семье мужа и переселением их в отдельный дом семейные конфликты для Натальи Филипповны заканчиваются. Об их исчезновении после замужества пишет и Евдокия Макарова: «Когда я вышла замуж, мне жизнь была хорошая. Жили мы дружно, выноса [сора] из избы не было»⁶⁴. Семейные конфликты завершаются для девушек-крестьянок тогда, когда они становятся полноправными хозяйками в доме.

Мужчина никогда не указывался крестьянками в качестве участника семейного конфликта, даже в том случае, когда он постоянно находился в семье и не выезжал на заработки. Размышления о поведении мужа и попытки оценить его в воспоминаниях крестьянок мы встречаем, но описания самих конфликтов нет. Наталья Филипповна Солдатенкова стыдилась того, чем зарабатывал на жизнь ее муж: «Тимофей мой работал в Москве, и где работал – даже писать не хочется. Он пел в хоре по ресторанам. Конечно, когда строились, он свои заработки берег и все оправдывал...»⁶⁵. Ситуацию усугубило пьянство мужа: «Тимофей мой запил да загулял и домой стал редко ездить. Это было зимою 25-го года. У нас стал вопрос – или жить где-то вместе, или разойтись. Не знаю, как мы жили, денег не было, он нигде не работал»⁶⁶. Хотя позднее в своих воспоминаниях о 1930-х гг. Наталья Филипповна пишет о муже, что после вступления в колхоз он «то председатель, то бригадир»⁶⁷. Отрицательное отношение крестьянки к мужу здесь очевидно, но в открытый конфликт оно не перерастает. Н.Ф. Солдатенкова словно просто перечисляет произошедшие события, ни в чем не обвиняя мужа.

Описание разногласий в семье исчезает, когда крестьянка начинает работать в колхозе на ответственных должностях. Роли труженицы и общественницы, активно внедряемые в жизнь крестьянки, находили отклик в их сердцах, так как также были связаны с традицион-

⁶⁰ Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой...

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Макарова Е.К. Евдокия – великомученица... С. 57.

⁶⁵ Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой...

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

ной крестьянской обязанностью трудиться. Однако совмещение этих новых ролей с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей вызывало у них поначалу настоящую растерянность. О.М. Семерикова отмечает, что, «несмотря на поддержку государством и партией процесса повышения статуса женщины-крестьянки, в обществе сохранялось традиционное представление о ее месте и роли в семье и социальной жизни; в результате привлечение женщин к управленческим функциям осуществлялось медленно, тем не менее повысило возможности их самореализации». В изученных нами эго-документах крестьянки возможностей такой самореализации не оценили. Так, Евдокия Макарова в своих воспоминаниях сокрушается о том, что очень мало времени оставалось у нее на работу по дому и заботу о детях после ее назначения бригадиром. В воспоминаниях, посвященных более позднему периоду, 1930-м гг., Евдокия Константиновна упомянула о том, что в 1937 г. она потеряла двоих детей, умерших девяти дней отроду. «Я была замучена работой. Весь колхоз на мне и дома все хозяйство... Была дурковатая. Надо было дать наряд рабочим, да и отдыхай. А я думала, все одна схвачу, и все мне надо было. А вот сейчас-то и вспоминаю, какая же я дура была, зачем так работала. Кого я удивила? А все на похвальбе была зато», – вспоминала крестьянка⁶⁸. Об отсутствии декретного отпуска рассказывала и Прасковья Васильевна Гракович: «День я дома отлеживалась, а через сутки пришел ко мне председатель колхоза и говорит: “Ты что это, Паша, дома разлеживаешься. Ведь пора-то урожайная, работать надо”. И пришлось мне Васеньку моего с собой в поле брать, ведь муж-то тоже работал. И оставить дитя дома не с кем было»⁶⁹. После включения крестьянки в активную трудовую и общественную жизнь основными сюжетами их эго-документов становятся переживания по поводу выполнения работы и ведения хозяйства.

Проблема трансформации роли женщины в решении семейных конфликтов довольно четко определена в эго-документах мужчин-крестьян. Изучение эго-документов крестьянок представило нам совершенно иную картину крестьянского семейного быта. Так подробно описанные в мужских воспоминаниях семейные конфликты с женами в эго-документах крестьянок отсутствуют. Мужчина в сознании крестьянки так и остается главой семьи, чье доминирование не оспаривается. Об этом пишут и историки: «Гендерные изменения в жизни российского крестьянства в 1920-е гг. носили поверхностный характер, о чем свидетельствуют как факты мужского доминирования, так и традиционное подчинение женщин сильной половине семьи»⁷⁰. Более того, плоскость семейного конфликта с женской точки зрения перемещается в совершенно другое поле. Участницами семейных разногласий становятся женщины – мачеха и дочь, свекровь и сноха, тетка и племянница, а поводом для выяснения отношений – хозяйственные вопросы, составляющие основу домашней экономики крестьянской семьи – наличие одежды и обуви, участие (или неучастие) в сельскохозяйственных работах. Нельзя сказать, что конфликты между женщинами в крестьянской семье были редкостью и возникли они лишь в начале XX в. Но именно для первой трети XX в. характерно появление пренебрежения традиционным ролям женщин в крестьянской семье. Разделы крестьянских семей встречаются начиная уже со второй половины XIX в. Однако в это время открытое высказывание снохами неприязненного отношения к большухе⁷¹, племянницы – к незамужней тетке⁷², встречалось редко. Зато в эго-документах крестьянок, посвященных описанию семейной жизни в первой трети XX в., мы находим целые фрагменты, повествующие о таких семейных конфликтах. Крестьянки, конечно же, не ищут нормативного решения конфликтов в силу своей безграмотности и из-за страха обращения в новые властные органы. Трансформация роли женщины-крестьянки в решении семейных конфликтов происходит вынужденно – отходничество мужчин на заработки и их обязанность нести военную службу не оставляли ей другого выбора, как встать во главе семейства

⁶⁸ Макарова Е.К. Евдокия – великомученица... С. 81–82.

⁶⁹ Документ № 20 // Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание... С. 94–95.

⁷⁰ Кулачков В.В., Безгин В.Б., Николашин В.П., Корнетов А.Н. Изменения в положении сельских женщин... С. 209.

⁷¹ Большуха – жена главы семьи, хозяйка дома.

⁷² Девушку, не вышедшую замуж, относили к разряду «старых дев» («вековух»). Вековуха в родном доме имела преимущество перед невестками, а в отдельных случаях становилась хозяйкой дома – большухой.

и принять на себя ответственность в решении хозяйственных вопросов. Необходимость улаживать все бытовые неурядицы, свалившиеся на плечи женщины-крестьянки в результате интенсивных военных событий в первой трети XX в., требовала от нее повышенной ответственности в решении семейных конфликтов, что противоречило патриархальным традициям. Совмещая таким образом женскую и мужскую роли в семье, крестьянка постепенно начинает «требовать» учета ее интересов в решении семейных конфликтов.

Начавшееся в 1920-е гг. внедрение в крестьянский быт образа «новой советской женщины» оказало влияние на трансформацию роли женщины-крестьянки в решении семейных конфликтов намного позже, уже в 1930-е гг. Ведущая роль женщины в решении семейных конфликтов в исследуемый период была вызвана в большей степени последствиями крестьянской реформы середины XIX в. и последовавшими за ней модернизационными процессами⁷³. Тем не менее, несмотря на трансформацию ее роли в решении семейных конфликтов, крестьянка продолжает выполнять женские социальные роли, сохраняя за мужчиной право главенства в семье⁷⁴.

Выделенные нами признаки и причины трансформации роли крестьянки в решении семейных конфликтов в первой трети XX в. открывают широкие перспективы для проведения исследований разных аспектов крестьянского быта на основе гендерной истории. Такой подход к исследованию быта крестьянской семьи и конфликтного поведения ее членов особенно будет плодотворен для изучения истории XX в. В XX в. крестьянская грамотность становится более частым явлением, что позволяет использовать в качестве источника исследования эго-документы и крестьян, и крестьянок. Однако следует помнить, что эго-документы крестьянок, в том числе использованные для нашего исследования, были созданы в основном при помощи родственников или интервьюеров, и достаточно поздно – спустя пять и более десятилетий после рассказанных ими событий. Этот факт естественно понижает объективность представленных в эго-документах материалов.

Кроме того, наше исследование, как и многие научные труды, посвященные изучению крестьянского быта, ограничены конкретными территориальными рамками. Авторы изученных эго-документов рассказывали о жизни своих семей в Костромской и Калужской губерниях, а также на территории современных Кемеровской и Курской областей, Алтайского края. В то же время это открывает перспективы для исследования быта крестьянской семьи и конфликтного поведения ее членов в эго-документах крестьян, проживавших на других территориях.

Несколько ограничивает значимость результатов нашего исследования и то, что отходничество на заработки было распространено не только среди мужчин, но и среди женщин⁷⁵. Однако данное явление никак не упоминалось крестьянками в изученных эго-документах. Рассмотрение эго-документов крестьянок, отправлявшихся в город на заработки так же, как и мужчины, несомненно, расширяет перспективы исследования крестьянского быта на основе подходов истории повседневности и гендерной истории.

⁷³ Об изменениях в положении крестьянки в семье еще во второй половине XIX – начале XX в. см. также: Мухина З.З. Некоторые особенности процесса социализации русской крестьянской женщины в пореформенной России // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.). СПб., 2018. С. 240–244.

⁷⁴ Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс... С. 286.

⁷⁵ См. об этом, например: Мухина З.З., Полупанова И.И. Гендерные аспекты миграции из деревни в город в конце XIX – начале XX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: мат-лы XII междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Калининград, 2019. С. 102–104.

Литература

- Амбарцумян К.Р., Булыгина Т.А. Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 14–23.
- Бадмаева Е.Н. Повседневность российского крестьянства в 1920–1930-х гг.: историография вопроса // Magna adsurgit: historia studiorum. 2018. № 1. С. 77–91.
- Безгин В.Б. «О бедной крестьянке замолвите слово»: русская баба в современной историографии // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. С. 34–39.
- Бобровская Е.В. «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2020. № 4. С. 133–140.
- Васеха М.В. «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 150–160.
- Васеха М.В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107–119.
- Вольф С.П. Правовой нигилизм в решении семейных конфликтов дворянами и крестьянами в Российской империи первой трети XIX века // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 22–30.
- Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой // Боровский тракт [Электронный ресурс]. URL: http://borovsk-tract.ru/memuar/Vospominaniya_krest_yanki_Verejskogo_uezda.html (дата обращения: 20.06.2022).
- Давыдов Д.В., Козлова О.В. «Мысль, что мы равноправны, нас еще больше воодушевляла»: эмансипация советской женщины в 1920-е гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. 2021. № 4. С. 60–70.
- Джеенбекова С.С. Трансформация женской повседневности в Кыргызстане в 20–30-е гг. XX века // Вестник КРСУ. 2021. Т. 21, № 2. С. 9–14.
- Ерохина Т.И. Трансформация феминных стереотипов в советской культуре начала XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 169–179.
- Жулаева А.С., Высочина Э.А. Предпосылки и суть изменений государственной политики в отношении социального статуса женщин в России на пути от монархии к Советам // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 118–122.
- История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / науч. руководство, ред. и введ. проф. П.А. Зайончковского. Т. 4. Ч. 1. 1895–1917. М.: Книга, 1983. 369 с.
- Качесова С.П. «Старое отжило и не имеет силы, а новое еще не сложилось»: способы решения семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (77). С. 122–136.
- Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: Изд-во ВЦИК Советов Р., и К. Депутатов, 1919. 61 с.
- Крюкова С.С. Крестьянская община 1920-х годов: от имперского к советскому обычному праву // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 35–45.
- Кулачков В.В., Безгин В.Б., Николашин В.П., Корнетов А.Н. Изменения в положении сельских женщин в эпоху новой экономической политики // Вопросы истории. 2021. № 10. С. 201–211.
- Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. М.: Аксиома, 2006. 445 с.
- Мирошкин В.В. «Женский вопрос» в контексте процессов трансформации крестьянского

менталитета в 1917–1920-е гг. (на примере мордвы) // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12, № 1. С. 108–112.

Мухина З.З., Полупанова И.И. Гендерные аспекты миграции из деревни в город в конце XIX – начале XX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: мат-лы XII междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2019. С. 102–104.

Мухина З.З. Некоторые особенности процесса социализации русской крестьянской женщины в пореформенной России // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф.: в 2 т. (Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.) / отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. С. 240–244.

На сердце пали все печали. Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания / ред.-сост. А. Щербаков; сост. А. Козлова, И. Островская. М.: Agey Tomesh, 2019. 432 с.

Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины / пер. А. Зиндер. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 368 с.

Поршинева О.С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2018. С. 383–397.

Пушкарева Н.Л. Женские и гендерные исследования историков 1990–2015 гг. // Гендерный маршрут [Электронный ресурс]. URL: http://gender-route.org/articles/other_projects/zhenskie_i_gendernye_issledovaniya_istorikov_v_rossii_1990_2015/ (дата обращения: 20.06.2022).

Пушкарева Н.Л., Большакова О.В. Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 318–328.

Савосткина Р. Социальная роль женщины в советском обществе в дискурсе журналов «Работница» и «Крестьянка» в середине 1920-х годов // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4 (14). С. 130–140.

Семерикова О.М. Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 412–430.

Слепцова И.С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский север. Вып. 1. Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. / ред.-сост. Т.Б. Шепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 79–96.

Gradska Yu. Emancipation at the Crossroads: Between the “Woman Question” and the “National Question” // The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 117–132.

Ilic M. “Equal Pay for Equal Work”: Women’s Wages in Soviet Russia // The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 101–116.

Klots A. The Kitchen Maid as Revolutionary Symbol: Paid Domestic Labour and the Emancipation of Soviet Women, 1917–1941 // The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 83–100.

Olson L.J., Adonyeva S. The worlds of Russian village women: Tradition, transgression, compromise. USA: University of Wisconsin Press, 2013. 368 p.

Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh. Muslim women under soviet rule in central Asia (Turkistan): soviet gender practice // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 126–136.

Pushkareva N. Womens and gender studies of the Russian past: Two contemporary trends // Womens History Review. 2018. Vol. 27, No. 1. P. 71–87.

The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union / ed. by M. Ilic. London: Palgrave Macmillan, 2018. 560 p.

Waterlow J. Babushka, Harlot, Helper, Joker: Women and Gender in 1930s Political Humour // The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2018.

References

Ambarcumyan, K.R., Bulygina, T.A. (2021). Obraz sovetskoy zhenshchiny v tekstah predstaviteley bol'shevistskoy vlasti i propagandistskikh materialah 1920-h gg. [The Image of a Soviet Woman in the Texts of Representatives of the Bolshevik Government and Propaganda Materials of the 1920s]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 14–23.

Badmaeva, E.N. (2018). Povsednevnyy zhiznennyy krest'yanstva v 1920–1930-h gg.: istoriografiya voprosa [Everyday Life of the Russian Peasantry in the 1920s–1930s: Historiography of the Issue]. In *Magna adsurgit: historia studiorum*. No. 1, pp. 77–91.

Bezgin, V.B. (2019). “O bednoy krest'yanke zamolvite slovo”: russkaya baba v sovremennoy istoriografii [“Put in a Word about a Poor Peasant Woman”: A Russian Woman in Modern Historiography]. In *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i social'noy istorii povsednevnosti*. Moscow, pp. 34–39.

Bobrovskaya, E.V. (2020). “Gosudarstvennyy feminizm” v SSSR: osobennosti gendernogo (ne)ravenstva v sovetskoy Rossii [“State Feminism” in the USSR: Features of Gender (Non-)Equality in Soviet Russia]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. No. 4, pp. 133–140.

Davydov, D.V., Kozlova, O.V. (2021). “Mysl', chto my ravnopravny, nas eshche bol'she voodushevlyala”: emansipatsiya sovetskoy zhenshchiny v 1920-e gg. [“The Idea That We were Equal Inspired Us Even More”: The Emancipation of Soviet Women in the 1920s]. In *Gasyrlar avazy – Ekho vekov Echo of centuries*. No. 4, pp. 60–70.

Dzheebekova, S.S. (2021). Transformatsiya zhenskoy povsednevnosti v Kyrgyzstane v 20–30-e gg. XX veka [Transformation of Feminine Stereotypes in the Soviet Culture of the 20s–30s of the 20th Century]. In *Vestnik KRSU*. Vol. 21, No. 2, pp. 9–14.

Erohina, T.I. (2020). Transformatsiya feminykh stereotipov v sovetskoy kul'ture nachala XX veka [Transformation of Feminine Stereotypes in the Soviet Culture of the Early 20th Century]. In *Verhnevzhskiy filologicheskiy vestnik*. No. 4 (23), pp. 169–179.

Gradskova, Yu. (2018). Emancipation at the Crossroads: Between the “Woman Question” and the “National Question”. In *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan, pp. 117–132.

Ilic, M. (2018). “Equal Pay for Equal Work”: Women's Wages in Soviet Russia. In *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan, pp. 101–116.

Ilic, M. (Eds). (2018). *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan. 560 p.

Kachesova, S.P. (2022). “Staroe otzhilo i ne imeet sily, a novoe eshche ne slozhilos”: sposoby resheniya semeynykh konfliktov krest'yanami v Rossii pervoy treti XX veka [“The Old has Outlived Its Usefulness and has No Force, but the New has Not Yet Developed”: Ways of Solving family Conflicts by Peasants in Russia in the First Third of the 20th Century]. In *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (77), pp. 122–136.

Klots, A. (2018). The Kitchen Maid as Revolutionary Symbol: Paid Domestic Labour and the Emancipation of Soviet Women, 1917–1941. In *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan, pp. 83–100.

Kollontay, A. (1919). *Novaya moral' i rabochiy klass* [The New Morality and the Working Class]. Moscow, Publ. VCIK Sovetov R., and K. Deputatov. 61 p.

Kryukova, C.C. (2020). Krest'yanskaya obshchina 1920-h godov: ot imperskogo k sovetskomu obychnomu pravu [The Peasant Community of the 1920s: From Imperial to Soviet Custom]

mary Law]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. No. 3 (68), pp. 35–45.

Kulachkov, V.V., Bezgin, V.B., Nikolashin, V.P., Kornetov, A.N. (2021). *Izmeneniya v polozhenii sel'skikh zhenshchin v epohu novoy ekonomicheskoy politiki* [Changes in the Situation of Rural Women in the Era of New Economic Policy]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 201–211.

Lopatin, L.N., Lopatina, N.L. (2006). *Kollektivizatsiya i raskulachivanie v vospominaniyah ochevidtsev* [Collectivization and Dispossession in the Memoirs of Eyewitnesses]. Moscow, Aksioma. 445 p.

Miroshkin, V.V. (2021). “Zhenskiy vopros” v kontekste protsessov transformatsii krest'yanskogo mentaliteta v 1917–1920-e gg. (na primere mordvy) [The “Women’s Question” in the Context of the Processes of Transformation of the Peasant Mentality in the 1917s–1920s (Using the Example of Mordovia)]. In *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. Vol. 12, No. 1, pp. 108–112.

Muhina, Z.Z. (2018). *Nekotorye osobennosti protsessa sotsializatsii russkoy krest'yanskoy zhenshchiny v poreformennoy Rossii* [Some Features of the Process of Socialization of the Russian Peasant Woman in Post-Reform Russia]. In *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost. Materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 240–244.

Muhina, Z.Z., Polupanova, I.I. (2019). *Gendernye aspekty migratsii iz derevni v gorod v kontse XIX – nachale XX veka* [Gender Aspects of Migration from the Village to the City in the Late 19th – Early 20th Century]. In *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego: materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Kaliningrad, pp. 102–104.

Olson, L., Adon'eva, S. (2021). *Traditsiya, transgressiya, kompromiss. Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny* [Tradition, Transgression, Compromise. The Worlds of Russian Village Woman]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Olson, L.J., Adonyeva, S. (2013). *The worlds of Russian village women: Tradition, transgression, compromise*. USA, Publ. University of Wisconsin Press. 368 p.

Omarbayev, Y., Khazretali, T., Zulpikharova, E., Kumganbayev, Zh. (2020). *Muslim women under soviet rule in Central Asia (Turkistan): soviet gender practice*. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 4, pp. 126–136.

Porshneva, O.S. (2018). *Realizatsiya bol'shevistskogo proekta “novaya zhenshchina” v 1923–1928 gg.: protivorechiya i problemy* [Implementation of the Bolshevik Project “New Woman” in the 1923s–1928s: Contradictions and Problems]. In *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii*. Novosibirsk, pp. 383–397.

Pushkareva, N. (2018). *Womens and gender studies of the Russian past: Two contemporary trends*. In *Womens History Review*. Vol. 27, No. 1, pp. 71–87.

Pushkareva, N.L. *Zhenskie i gendernye issledovaniya istorikov 1990–2015 gg.* [Women’s and Gender Studies of Historians of the 1990s–2015s]. In *Gendernyy marshrut [Gender Route]*. Available at: http://gender-route.org/articles/other_projects/zhenskie_i_gendernye_issledovaniya_istorikov_v_rossii_1990_2015/ (date of access 20.06.2022).

Pushkareva, N.L., Bol'shakova, O.V. (2020). *Gendernye issledovaniya rossiyskogo dvadtsatogo veka* [Gender Studies of the Russian 20th Century]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 65, No. 1, pp. 318–328.

Savostkina, R. (2018). *Sotsial'naya rol' zhenshchiny v sovetskom obshchestve v diskurse zhurnalov “Rabotnitsa” i “Krest'yanka” v seredine 1920-h godov* [The Social Role of Women in Soviet Society in the Discourse of the Magazines “Worker” and “Peasant” in the Mid of the 1920s]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 4 (14), pp. 130–140.

Semerikova, O.M. (2019). *Zhenshchiny-krest'yanki v sel'skohozyaystvennykh trudovykh kommunah Sovetskoy Rossii v 1917 – nachale 1930-h gg.* [Peasant Women in Agricultural Labor Com-

munes of Soviet Russia in the 1917s – Early 1930s]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 18, No. 2, pp. 412–430.

Shcherbakov, A. (Eds.). (2019). *Na serdtse pali vse pechali. Sud'by krest'yan v XX veke. Vospominaniya* [All the Sorrows fell on My Heart. The Fate of Peasants in the 20th Century. Memories]. Moscow, Publ. Agey Tomesh. 432 p.

Slepceva, I.S. (2017). “Kollektivnaya biografiya” sel'skogo sotsiuma (po materialam dnevnikov yaroslavskogo krest'yanina P.V. Bugrova) [“Collective Biography” of the Rural Society (Based on the Materials of the Diaries of the Yaroslavl Peasant P.V. Bugrov)]. In *Russkiy sever [Russian North]*. Is. 1. St. Petersburg, pp. 79–96.

Vasekha, M.V. (2018). “Krest'yanka gramotnaya”: likbez v Zapadnoy Sibiri i konstruirovaniye novogo patterna zhenskogo povedeniya v 1920-e gody [“The Peasant Woman is Literate”: Educational Program in Western Siberia and the Construction of a New Pattern of Female Behavior in the 1920s]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 17, No. 5, pp. 150–160.

Vasekha, M.V. (2019). Politika ohrany materinstva i mladenchestva 1920-h gg. i “konstruirovaniye” materey novogo tipa: opyt sibirskoy derevni [The Policy of Maternity and Infancy Protection in the 1920s and the “Construction” of a New Type of Mothers: The Experience of the Siberian Village]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 2, pp. 107–119.

Vol'f, S.P. (2021). Pravovoy nihilizm v reshenii semeynykh konfliktov dvoryanami i krest'yanami v Rossiyskoy imperii pervoy treti XIX veka [Legal Nihilism in the Resolution of Family Conflicts by Nobles and Peasants in the Russian Empire of the First Third of the 19th Century]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 6, No. 3, pp. 22–30.

Vospominaniya krest'yanki Vereyskogo uezda Natal'i Filippovny Soldatenkovoy [Memoirs of a Peasant Woman of the Vereysky District Natalia Filippovna Soldatenkova]. In *Borovskiy trakt [Borovsky Tract]*. Available at: URL: http://borovsk-tract.ru/memuar/Vospominaniya_krest_yanki_Verejskogo_uezda.html (date of access 20.06.2022).

Waterlow, J. (2018). Babushka, Harlot, Helper, Joker: Women and Gender in 1930s Political Humour. In *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan.

Zayonchkovskiy, P.A. (Eds.). (1983). *Istoriya dorevolyutsionnoy Rossii v dnevnikah i vospominaniyah* [The History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs]. Vol. 4, Part 1, 1895–1917. Moscow, Publ. Book. 369 p.

Zhulaeva, A.S., Vysochina, E.A. (2020). Predposylki i sut' izmeneniy gosudarstvennoy politiki v otnoshenii sotsial'nogo statusa zhenshchin v Rossii na puti ot monarhii k Sovetam [Background and Issence of Changes in State Policy Regarding the Social Status of Women in Russia on the Way from the Monarchy to the Soviets]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. No. 1, pp. 118–122.